

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Солдатова Антона Анатольевича «Стефан Кеневич и польская историческая наука», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история)

Исследовательский интерес к фигуре крупного польского историка, действительного члена ПАН Стефана Кеневича (1907–1992) вполне оправдан. Его научное наследие, включающее многие сотни работ по проблематике «долгого» XIX века, написанных за шесть десятилетий профессиональной деятельности, является уникальным не только для Польши. Профессор Варшавского университета С. Кеневич подготовил многих исследователей. Он был видным организатором науки: занимал ответственные административные посты, руководил масштабными научными проектами, в том числе международными. Историк пользовался большим уважением своих советских коллег, с которыми активно сотрудничал.

На обложке увидевшего свет через два года после смерти Кеневича «Словаря польских историков» именно его портрет олицетворял всю послевоенную историческую науку страны. Взвешенная оценка С. Кеневича делается особенно актуальной ввиду проводимой в Польше декоммунизации, опыт которой весьма полезно осмыслить и в России.

А.А. Солдатов позиционирует свою работу в проблемных полях интеллектуальной истории, биографики и историко-научных исследований. Фактически это опыт создания интеллектуальной биографии польского ученого с учетом широкого контекста трансформаций, пережитых Польшей на протяжении большей части XX века. Такой панорамный охват позволил выполнить квалификационное исследование в русле изучения всеобщей истории нового и новейшего времени.

С. Кеневич приступил к научным изысканиям в первой половине 1930-х гг., когда история разделенной Польши была исследована еще крайне слабо. В межвоенный период новейшая история Польши обычно начиналась с 1864 г.: Январское восстание мыслилось, в том числе Ю. Пилсудским, в

качестве рубежа современности. По наблюдениям Кеневича, в канун Первой мировой войны польская историография в достаточной мере освоила лишь материал первой трети XIX в. (прежде всего благодаря усилиям школы Ш. Аскенази, к которой принадлежал его наставник А. Скалковский), а накануне Второй мировой продвинулась до восстания 1863-1864 гг. В дальнейшем, согласно Кеневичу, дистанция между событиями прошлого и их научным изучением продолжала сокращаться.

А.А. Солдатов справедливо отмечает интерес Кеневича к социальной истории еще в 1930-е гг., причем он не связан, как это зачастую бывало, с симпатиями молодого польского ученого к левым идеям и движениям. Неудивительно поэтому, что в 1946 г. свою лекцию, являющуюся частью процедуры защиты, Кеневич посвятил крестьянскому вопросу. Не стоит забывать об увеличении популярности социальной истории по всей Европе, о чем упоминает и А.А. Солдатов (с. 108). В Польше данный тренд отличался устойчивостью: в 1970-е гг. изучение структуры польского общества конца XVIII – начала XX вв. приобрело чрезвычайно широкий размах и увенчалось серьезными научными результатами.

«Вынужденно» и «декларативно» (эти определения неоднократно используются в диссертации) в очень непродолжительный период сталинизма в Польше Кеневич воспринял марксистский официоз, тогда как интерес ученого к социальным факторам исторического процесса был последовательным и продуктивным. Применительно к его интеллектуальной биографии вполне адекватной представляется формула «творческая адаптация» марксизма (с. 90).

Концентрируясь на исследовании диалектики национальной и социальной повестки польского освободительного движения, демократизации состава его участников, историки ПНР занимались ключевыми проблемами отечественной истории, в том числе особенностями формирования польской нации. Так что расстановку акцентов в трудах Кеневича я бы соотносил не только с влиянием на него марксистской

парадигмы, но и с осмыслением им процессов модернизации в специфических польских условиях, когда предельно остро стоял вопрос о национальной идентичности крестьянства.

Кеневич остался беспартийным ученым, принимавшим, однако, исторический материализм в качестве объяснительной теории исторического процесса. После войны он не входил в состав группы историков-марксистов, которые являлись сторонниками коренной ломки науки и, вопреки своим ожиданиям, не получили безоговорочной поддержки советских коллег. При этом Кеневич отличался от многих советских беспартийных историков, с показным усердием выражавшим свою приверженность марксизму. Однако его, пожалуй, нельзя отнести и к числу тех историков, у которых марксистская риторика предисловий лишь камуфлировала вполне традиционные позитивистские работы.

А.А. Солдатов стремится определить место Кеневича в польской исторической науке (слово «место», а не «роль», на мой взгляд, адекватнее отражает цель исследования), что обязывает представить главного героя диссертации в кругу его коллег, как часть профессионального сообщества. С этой сложной задачей автор весьма успешно справляется. Преемственность по линии «учитель – ученик» анализируется в диссертации применительно к обоим научным наставникам Кеневича А. Скалковскому и М. Хандельсману. Из историков более-менее одного с Кеневичем поколения особенно основательно показаны Х. Верещицкий и В. Куля – специалисты по Новой истории Польши, с которыми он тесно взаимодействовал. Три этих крупных историка могут рассматриваться в качестве сторонников различных моделей отношения к власти и ее идейно-теоретическим императивам.

Не вполне убедительны в диссертации тезисы о большом влиянии на научные воззрения Кеневича его шляхетского происхождения и религиозности (фактически невольно воспроизводится то, что историку когда-то инкриминировали партийные кураторы науки!), а также о детерминированности его «конформизма» особенностями характера –

скромностью и нерешительностью (с. 154). Диссертант использует неудачные, на мой взгляд, термины «пилсудистское направление в историографии» (с. 65 и др.), «пнровская историография» (с. 130), «социалистическая историческая наука» (с. 93).

А.А. Солдатов правильно отмечает, что Кеневич включал в польскую патриотическую традицию не только решительно настроенных «красных», но и умеренных «белых», одному из лидеров которых А. Замойскому в канун столетнего юбилея Январского восстания историк посвятил отдельную монографию (А. Скалковский посвятил последние годы жизни изучению деятельности А. Велепольского, которого, кстати, несмотря на репутацию угодника, высоко ценил Пилсудский). Обоснованно сосредоточившись на изучении Кеневичем национальных восстаний, Солдатов не обратил должного внимания на другие его конкретно-исторические изыскания, в том числе рассматривающие историю органической работы, которая являлась альтернативой вооруженных выступлений. Выбор Кеневичем героев для биографических и просопографических исследований – жанра, к которому он питал несомненную склонность, представляется весьма показательным.

Исследования С. Кеневича охватывают, хотя и в разной степени, весь период разделов и все бывшие земли Речи Посполитой. Это позволило историку подготовить в конце 1960-х гг. в форме вузовского учебника обобщающую авторскую версию национальной истории за более чем столетие. Думаю, что данная книга заслуживает специального анализа. Не менее показательна обобщающая книга Кеневича по истории Варшавы того же периода: бывшая столица Речи Посполитой во многих отношениях являлась локомотивом модернизации на польских землях. Большого внимания требует эссеистика Кеневича, собранная в книге «Историк и национальное сознание» (1982 г.), – анализ подбора статей разных лет внес бы дополнительные штрихи в характеристику позиции Кеневича в период политического кризиса 1980-х гг. Богатую пищу для размышлений дает

опубликованное в 1990 г. эссе Кеневича «Jak być Polakiem pod zaborami (Tezy podstawowe)».

С. Кеневич принимал деятельное участие в реализации исторической политики, согласованно проводившейся СССР и ПНР. Жесткая критика в СССР курса царизма в польском вопросе позволяла рассматривать польское национально-освободительное движение как прогрессивное и, следовательно, достойное изучения. Негативные, с официальной советской точки зрения, стороны этого движения осуждались, но в фокусе внимания находились не они, а радикальные по своей социальной программе элементы и русско-польский революционный союз. Польские выступления первой половины 1860-х гг. интегрировались в историю России в теоретической рамке ленинских высказываний о первой революционной ситуации и этапах освободительного движения. Вслед за Лениным польское национально-освободительное движение характеризовалось как шляхетское, поэтому трудно согласиться с А.А. Солдатовым в том, что советская историография трактовала восстания как революционную борьбу крестьян и пролетариата (с. 19). Взятая на вооружение компромиссная по своей сути концепция позволила ввести в оборот огромный массив источников, исследовать слабоизученные аспекты и развивать сотрудничество историков двух стран. Последние десятилетия XIX в. и особенно начало XX в. освещались с куда более жесткими ограничениями и существенными потерями для реконструкции правдивой картины прошлого.

Хотя международные научные связи контролировались и регламентировались партийными кураторами, их эффект в значительной степени зависел от ключевых участников сотрудничества. Роль Кеневича в этом отношении сопоставима с вкладом в двустороннее сотрудничество таких мэтров польской историографии, как неоднократно упоминаемые в диссертации А. Гейштор, Ю. Бардах и В. Сливовская.

Безусловно, внимание к традиции польско-русского революционного союза носило в социалистический период гипертрофированный характер и

подпитывалось политической конъюнктурой. Не было принято афишировать русофобских или полонофобских проявлений. Однако взаимодействие польских и русских борцов с самодержавием впервые стало предметом детального исследования. Кроме того, в 25-томную публикацию источников по Январскому восстанию включена масса документов, характеризующих формирование и реализацию правительственной политики в польском вопросе, в частности, ценнейшая корреспонденция наместников Царства Польского за 1861–1864 гг.

А.А. Солдатов вводит в научный оборот ценные документы из польских и российских архивов, использует незаменимые для раскрытия темы диссертации источники личного происхождения. При этом, расширительно трактуя источники личного происхождения, он ошибочно причисляет к ним публицистические и беллетристические произведения (с. 11). В библиографии в раздел публицистики и беллетристики попали интервью Р. Яроцкого с А. Гейштором. Заслуживает диссертанта является обращение к ресурсу устной истории, но задействован он довольно ограниченно: полезно было бы провести еще несколько интервью, причем не только с учениками Кеневича. Плодотворным оказалось изучение дискуссий на научных форумах и рецензий. В целом можно констатировать, что источниковая база интеллектуальной биографии польского историка разнообразна и репрезентативна, хотя изучение недоступного в настоящее время личного архива Кеневича еще предстоит.

А.А. Солдатов основательно знаком с польскоязычной научной литературой (наиболее заметный пробел составили работы польских историков-эмигрантов), что делает его диссертацию исключительно полезной для российских историков. Можно ожидать, что не останется она незамеченной и в Польше. Работа рационально структурирована, написана хорошим языком и аккуратно оформлена (в ряде случаев неудачен перевод с польского языка). Постановочная часть выполнена корректно, сформулированные во введении задачи получили свое решение, сделанные в

